

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

231

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 231 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2013. —
252 с., ил.,клейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0721-9

Предлагаемый вниманию читателей выпуск основан на материалах Всероссийской научной конференции «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ» (Москва, Институт археологии РАН, 21–22 ноября 2012 г.). В статьях обсуждаются теоретические и методические разработки, применяемые в современной науке, как российской, так и зарубежной, при изучении феномена войны и его места в эволюции человеческого общества, прежде всего, в зарождении сложных социально-политических систем – вождеств, государств, империй.

Второй информационный блок посвящен обсуждению проблем и материалов широкого хронологического диапазона от эпохи бронзы до средневековья.

Данное коллективное исследование заинтересует коллег-археологов, этнографов, историков древнего мира и представителей других смежных с археологией наук.

ББК 63.4

*На задней стороне обложки изображена
свинцовая печать из Суздальского Ополья*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.

Официальный электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0721-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2013
© Авторы, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «РОЛЬ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО ДЕЛА В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ» (МОСКВА, 21–22 НОЯБРЯ 2012 г.)

<i>Гуляев В.И.</i> Введение	3
<i>Ошибкина С.В.</i> О вооруженных столкновениях мезолитического населения на севере Восточной Европы	10
<i>Илюков Л.С.</i> Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона?	21
<i>Етимахов А.В.</i> К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности каменных наветший булав бронзового века	29
<i>Берсенева Н.А.</i> О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества	36
<i>Лукьяшко С.И.</i> Военно-политическая ситуация на Нижнем Дону в IV в. до н. э.	43
<i>Лихачева О.С.</i> Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н. э.	49
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Военское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка I в Центральном Алтае	59
<i>Рукавишников И.В.</i> К вопросу изучения доспехов евразийской степи раннего железного века (аналогии, взаимовлияние и происхождение)	71
<i>Горбунов В.В.</i> Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха	78
<i>Сафронов А.В.</i> Военные походы у древних майя: организация и логистика	87
<i>Гуляев В.И.</i> Война и военное дело в обществе ацтеков (XIII–XVI вв. н. э.)	102
<i>Сергеев Н.Н.</i> Социальный контекст комплекса вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрков Центральной Азии	115
<i>Попов А.С.</i> Меч Николы Можайского (о деревянной скульптуре XIV в. из собрания Государственной Третьяковской Галереи)	123
<i>Добровольская М.В.</i> Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н. э.	131
<i>Успенский П.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В.</i> Военские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща	141
<i>Медникова М.Б., Энгватова А.В., Решетова И.К., Шведчикова Т.Ю., Васильева Е.Е.</i> Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля)	154

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н., Мамедов И.З., Лебедев Ю.Б., Курносков А.А., Устюгова С.В.</i> Пол младенцев на телле Юнаците в контексте погребального обряда (эпоха ранней бронзы)	172
---	-----

<i>Обломский А.М., Разуваев Ю.Д.</i> Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону.....	183
<i>Решетова И.К.</i> Предварительная палеоантропологическая характеристика погребений эпохи бронзы могильника Ксизово 19.....	195
<i>Кренке Н.А., Александровский А.Л., Еришов И.Н., Еришова Е.Г., Лазукин А.В.</i> Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москве-реке	208
<i>Макаров Н.А., Гайдуков П.Г.</i> Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополя.....	224
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	232
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	233
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей	235
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 221–230 ВЫПУСКАХ КСИА.....	238

РОЛЬ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО ДЕЛА В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

В. И. Гуляев

ВВЕДЕНИЕ

V. I. Gulyaev. Introduction

Abstract. The paper suggests a historiographic review of theoretic postulates now used in analysis of the problems related to the role war and warfare played in primitive and medieval societies. A selection of publications is introduced which represent the proceedings of the conference held in the Institute of Archaeology, RAS, in November, 2012. The author discusses perspectives for modern understanding of significance of the phenomenon of war for evolution of human society, first of all in formation of complex social and political systems: chiefdoms, states, and empires.

Ключевые слова: конференция, война, военное дело, конфликты, вооружение, общественное развитие, социально-политические системы, вождество, государство, империя.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей основан в целом на материалах Всероссийской научной конференции «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ», состоявшейся в Москве, в Институте археологии РАН, 21–22 ноября 2012 г. В этом научном мероприятии приняли участие исследователи из академических учреждений, вузов и музеев Москвы, Ростова-на-Дону, Челябинска, Барнаула, Харькова и Луганска. На конференции было прочитано 30 докладов, в настоящее издание они вошли не все¹. Главная цель конференции (и, соответственно, публикуемых в сборнике материалов) состояла в том, чтобы выявить те теоретические и методические разработки, которые применяются в современной науке (как российской, так и зарубежной) для изучения роли феномена войны в эволюции человеческого общества и, прежде

¹ По ряду технических и субъективных причин некоторые авторы докладов ограничились публикацией тезисов.

всего, в зарождении сложных социально-политических систем – вождеств, государств, империй.

Историография по данной теме огромна. И в ней уже давно выявились две противоположные позиции. Одна из них была больше представлена в трудах советских ученых, которые, следуя работам классиков марксизма-ленинизма, считали войну явлением довольно поздним, исторически преходящим и свойственным только классовому обществу и антагонистическому государству. «Первобытнообщинный строй, в котором не было классов и государства, не было эксплуатации человека человеком, – отмечает отечественный специалист по исторической демографии М.С. Авербух, – не знал войны как организованной вооруженной борьбы во имя политических целей. Здесь не было ни специальных отрядов вооруженных людей... ни специальных орудий для ведения войны...» (*Авербух*, 1970. С. 7–10). Однако, учитывая огромное количество фактов из археологических, этнографических и исторических источников, явно противоречащих такому категоричному заключению, этот исследователь вынужден был несколько смягчить свое высказывание и добавить: «но если родовое общество не знало войны *как вооруженной борьбы во имя политических целей* (курсив мой. – В.Г.), то все же вооруженные столкновения между родами происходили еще в эпоху дикости... Когда родовой строй достиг полного развития, такого рода конфликты стали более частыми» (Там же. С. 10).

Против такой позиции выступает огромная армия специалистов разного профиля – археологов, этнографов, историков, физических антропологов, биологов, социологов – из зарубежных стран, которые считают, что, во-первых, воинственность, агрессивность является внутренним биологическим свойством человека (она заложена в генетическом коде, полученном людьми от далеких обезьяноподобных предков), а во-вторых, войны были, есть и будут всегда, и всегда они служили и служат движущей силой прогрессивного развития человеческого общества. Известный американский антрополог Р. Карнейро еще в 1970 г. утверждал, что «война лежит в основе социально-политического прогресса» (*Carneiro*, 1970. Р. 733–738). Он считает, что рост народонаселения и его скученность в районах концентрации природных ресурсов приводили к войнам, завоеваниям, возникновению более сложных организационных структур (простых и сложных вождеств) и государственности (*Carneiro*, 1981). Несмотря на ряд критических замечаний со стороны своих коллег на Западе и в России (точнее, в бывшем СССР), этот исследователь, хотя и с некоторыми коррективами, продолжает упорно отстаивать свою прежнюю теорию и в наши дни, ссылаясь на то, что «только благодаря прямому использованию силы – в первую очередь, боевых действий – преодолевались локальные автономии и деревни спланивались в более крупную единицу, с общей политической структурой; только таким путем могли возникнуть вождества, а затем государства...» (*Карнейро*, 2012. С. 165).

Можно назвать еще десятки громких имен зарубежных ученых, которые, с разными нюансами, проводят идею о раннем (с глубокой первобытности) появлении войны и военных столкновений в истории человеческого общества: З. Фрейд, А. Адлер, Л. Уайт, Э. Вайда, Б. Малиновский, Дж. Шнейдер, К. Райт,

С. Кобленц, Э. Сервис, М. Салинз и др. Подробное изложение общих концепций зарубежных исследователей на этот счет можно найти в очень полезном двухтомном издании наших коллег из Института этнологии и антропологии РАН (Война и мир... 1994).

Бесспорно, что война и военные столкновения претерпевали по мере развития человеческого общества очень серьезные изменения. Так, американский ученый Б. Малиновский выделяет следующие типы военных действий:

1) межличностные стычки внутри групп, названные им «прототипами преступного поведения»;

2) организованные коллективные межгрупповые стычки внутри культурно-го единства, преследующие своей целью возмездие;

3) вооруженные набеги типа спорта или охоты с целью добычи вражеских голов, захвата пленных для жертвоприношений или каннибализма, получения иного рода трофеев;

4) боевые действия, ведущие к возникновению примитивного государства;

5) экспедиции для организованного разбоя, захвата рабов и добычи;

6) вооруженная борьба между двумя разнокультурными группами, направленная на территориальное завоевание и создание государственности (*Malinowski, 1941*). Только действия четвертого и шестого типов он считал настоящей войной.

По С. Кобленцу, эволюция вооруженных столкновений знала три основные стадии: 1) кровная вражда; 2) стычки по религиозным или церемониальным причинам; 3) войны грабительского характера. На первой стадии войн еще не было, вторая представляла собой нечто среднее между войной и охотой, и только третью этот ученый без колебаний связывает с настоящей войной (*Coblentz, 1953*).

Американский исследователь У. Ньюкомб выделил следующие эволюционные стадии военных действий: 1) у наиболее архаичных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ, где не было существенных материальных накоплений, почти не было и стимулов для вооруженных столкновений, и там господствовал мир; 2) у некоторых охотничье-собираТЕЛЬСКИХ и отсталых земледельческих групп наблюдались «первобытные войны», соответствующие третьему типу по Малиновскому; 3) «настоящая война» была следствием перехода к производящему хозяйству; она типична для ранних цивилизаций, которые вели ее ради экономических выгод. В особую категорию У. Ньюкомб выделял войны, возникшие между разнотипными обществами (*Newcomb, 1960*).

Что касается первого пункта данной классификации, то с этим можно спорить. Вряд ли у всех архаичных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ ввиду низкого уровня их материального благосостояния господствовал мир. Поводов для военных столкновений, хотя бы с подобными себе соседями, у них имелось предостаточно: похищение женщин, борьба за охотничьи и рыбные угодья и т. д. и т. п. Причем эти военные действия велись с крайней степенью жестокости: род или племя побежденного врага вырезали практически целиком, не щадя ни старого, ни малого. Поэтому совершенно прав наш коллега В.А. Шнирельман, когда пишет: «Сравнение приведенных типологий позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от критериев, разные авторы понимают войну по-своему и это

ведет к разному пониманию истоков войны, ее особенностей и роли в ранней истории человечества. Следовательно, определение понятия “война” представляет особую (добавим, *ключевую*. – В.Г.) проблему...» (Война и мир... 1994. С. 27). Он и предлагает такое определение этого понятия. «Война – это конфронтация между двумя и более автономными группами, вызывающая санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость» (Там же. С. 56).

И хотя для изучения войн эпохи глубокой древности существует много разнообразных источников (письменных, этнографических, фольклорных и др.), но для нас как археологов особенно важны источники археологические и сопутствующие им. К чисто археологическим относятся такие категории материалов, как *оружие, доспехи, фортификация, воинские могилы, клады с оружием, остатки оружейного дела*. Категорию «оружия» иногда делят на три разновидности: специализированное оружие (например, мечи – бронзовые или стальные); неспециализированное оружие, «двойного назначения», пригодное и для охоты, и для боя (лук и стрелы, топор, нож и др.); оружие случайного использования (камень, палка и пр.) (Там же. С. 34). Специализированное оружие, обычно изготовлявшееся из металла, появляется довольно поздно – в эпоху бронзы и раннем железном веке. Кроме того, оружие и доспехи из органических материалов (дерева, кости, а доспехи – еще и из кожи), к сожалению, сохраняются очень редко. Сюда следует добавить очень важные данные антропологии по анализу боевых ран и травм на скелетах древних людей, когда в некоторых случаях удается даже установить вид оружия, каким был ранен или убит изучаемый человек. Можно предполагать, что военные столкновения могут быть прослежены (в том числе и археологически), по крайней мере, с эпохи верхнего палеолита. Правда, отличить для этого времени боевое оружие от охотничьего удастся только при наличии скелетов убитых людей с остатками орудий убийства. Так, погребенные в позднепалеолитическом могильнике Джебел Сахаба в Нубии были убиты орудиями, которые археологи обычно относят к категории «резцов» (*Wendorf*, 1968. Р. 954–995). Повторное изучение человеческих костей из верхнепалеолитического захоронения в пещере Сан Теодоро на острове Сицилия (возраст захоронения 13 000 лет) выявил наличие кремневого наконечника стрелы, вонзившегося в тазовые кости взрослой женщины. Археолог П.Ф. Фаббри из Пизанского университета (Италия) сделал свое открытие недавно, изучая скелет, обнаруженный в 1942 г. Наконечник прошел сквозь мягкие ткани и воткнулся в кость. Рана вызвала воспаление и нагноение, но в конце концов зажила, и женщина выжила (*Bahn*, 1997. Р. 24).

Еще более поразительный случай относится к эпохе неолита: в Итальянских Альпах в 1991 г. была найдена мумия взрослого мужчины – «Айсмана», «Ледяного Человека», возраст которого составляет 5300 лет. Останки находились во льду на высоте 4500 м. Комплексные исследования антропологов, медиков и археологов позволили выявить полную картину драматической гибели этого древнего европейца. Убийца подкрался сзади, выстрелил из лука, и стрела пронзила левое плечо так глубоко, что перебила крупную артерию, и человек

неминуемо бы погиб от обильного кровотечения. Но враг для страховки нанес удар Айсману в заднюю часть черепа каменным топором. Анализ пыльцы на мумии говорит о том, что последние дни этого человека пришлось на весну. Незадолго до смерти он ел мясо и лепешку из пшеницы (Hall, 2011. P. 125–128). В целом же, судя больше по этнографическим данным, для убийства в каменном веке широко использовались деревянные виды оружия – луки и стрелы, копья, дротики, бумеранги, дубинки и т. д., – которые практически не имели шансов сохраниться в археологическом контексте.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что первобытные войны отличались от более поздних главным образом масштабами, организацией и целями. Обратимся вновь к тому же Р. Карнейро. «Военные действия, – подчеркивает он, – являются горючим, движущей силой, которая приводит в действие политическую эволюцию. Они осуществляют это посредством разрушения старых мелкомасштабных структур, позволяя построение более крупных... и более сложных политических единиц. Это больше не гипотеза, а установленный факт. Он подтверждается огромным количеством фактических данных из истории и этнографии... Что касается самих военных действий, то с самого начала обычные стимулы для ведения войны между автономными деревнями были практически такими же, как стимулы, лежащие в основе войн, ведущихся аборигенами Новой Гвинеи и Амазонии в недавнем прошлом. Это были войны, связанные с известными преступлениями типа убийств, обвинений в колдовстве, похищения женщин и т. п. – мотивы, которые, несомненно, уходят корнями в палеолит. Войны этого типа часто вовлекали деревни во временные альянсы... Однако в определенный момент эволюции войны с популяционным давлением, действующим, как особенно эффективный пусковой импульс, произошло решительное изменение типов причин, которые вызвали войну. Теперь она начиналась не только по причинам, указанным выше, но также за экологические преимущества и экономические выгоды...» (Карнейро, 2012. С. 172–178). О больших потерях, которые несли первобытные народы, можно судить по сообщению Тацита о том, что войны между германскими племенами отличались особой жестокостью и беспощадностью: «Все побежденное предается истреблению» (Тацит, 1886. С. 57).

Таким образом, перед нашим археологическим сообществом открываются большие возможности для исследования многих нерешенных и туманных аспектов темы войны в первобытную, древнюю и средневековую эпохи. Все это позволяет надеяться на то, что предлагаемая публикация будет очень полезной для широких археологических кругов. Большой оптимизм внушает и наблюдающееся в последние годы широкое внедрение методов естественных наук в археологию. Настоящий сборник может быть разделен по хронологическому принципу на несколько блоков, начиная от самых ранних периодов (мезолит, неолит) и до Средневековья.

В первом блоке в статье С.В. Ошибкиной говорится о первых военных столкновениях в эпоху мезолита (10–8 тыс. л. н.) на севере Восточной Европы. Блок второй посвящен материалам эпохи бронзы. Л.С. Ильюков из Ростова-на-Дону описывает коллекцию кремневых наконечников стрел (свыше 700 экз.), найденных внутри Ливенцовско-Каратаевской крепости в низовьях Дона. Автор рассматривает эту коллекцию как доказательство осады крепо-

сти врагами и считает, что именно в результате данных военных действий она погибла, и жизнь в ней больше не возобновлялась (позднекатакомбное время).

В работе А.В. Епимахова анализируется небольшая коллекция каменных булав эпохи бронзы с территории Урала и Поволжья. Н.А. Берсенева посвящает свою статью предметам вооружения (наконечники стрел и детали лука, наконечники копий, металлические топоры, остатки колесниц и др.) синташтинской культуры Южного Зауралья.

Специальный блок содержит статьи по тематике раннего железного века. В работе С.И. Лукьяшко из Ростова-на-Дону «Военно-политическая ситуация на Нижнем Дону в IV в. до н. э.» приводятся новые факты о реальной картине взаимоотношений скифов, сарматов и правителей Боспора перед самым концом Великой Скифии на рубеже IV–III вв. до н. э. Алтайской тематике посвящена статья О.С. Лихачевой «Развитие тактики боя у населения лесостепного Алтая в раннем железном веке». В работе И.В. Рукавишниковой на примере двух железных доспехов из курганов 4 и 28 Филипповского курганного могильника на Южном Урале (IV в. до н. э.) ставится вопрос о взаимовлиянии традиций оружейного дела в Степной Евразии и древнем Китае. Заключительный материал данного блока представлен М.В. Добровольской и называется «Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н. э.».

Представлены в сборнике и материалы начала н. э. – V в. н. э., условно названные здесь «Эпохой переселения народов». Это материалы, обсуждаемые в статье А.А. Тишкина и С.С. Матренина «Воинское погребение раннежужанского времени из могильника Степушка I в Центральном Алтае».

Блок из двух статей посвящен проблемам войны и военного дела в далеко отстоящих от Старого Света центрах древних цивилизаций доколумбовой Мезоамерики: у индейцев майя I тыс. н. э. (А.В. Сафронов) и у ацтеков XIII–XVI вв. н. э. (В.И. Гуляев).

Еще один блок содержит исследования, посвященные эпохе Средневековья. Н.Н. Серегин исследует специфику распространения клинкового оружия в могилах раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая. Той же эпохе посвящена коллективная статья антропологов и археологов П.С. Успенского, М.В. Добровольской, Е.А. Клещенко, А.В. Шишлова, Н.В. Федоренко «Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща». Речь в ней идет о комплексном (новаторском по характеру) исследовании погребальных памятников Северо-Западного Кавказа XII–XIII вв. на основе анализа археологических материалов и кремаций (в урнах и без таковых).

В статье «Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха» В.В. Горбунов анализирует признаки оформления железных пластин ламеллярного доспеха на основе археологических памятников IX в. до н. э. – XIII в. н. э. различных территорий Азии. А.С. Попов выступает с анализом изображения меча на деревянной скульптуре XIV в. Николы Можайского (из собрания Государственной Третьяковской галереи) и возводит его форму к средневизантийским образцам конца I – начала II тыс. н. э.

Очень интересную совместную статью «Эпидемиология войны и смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни на-

селения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля)» представили антропологи и археологи М.Б. Медникова, А.В. Энговатова, И.К. Решетова, Т.Ю. Шведчикова, Е.Е. Васильева.

Мне представляется, что публикуемые в сборнике статьи вызовут значительный интерес у самого широкого круга археологов, этнографов, антропологов, социологов и историков.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух М.С.*, 1970. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М.: Наука. 217 с.
- Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. Т. 1. Ч. 1: У истоков войны и мира / В.А. Шнирельман. 176 с.; Т. 2. Ч. 2: Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах / Ю.И. Семенов; Ч. 3: Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы / А.И. Першиц. М.: ИЭИА, 1994. 247 с.
- Карнейро Р.*, 2012. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы Междунар. конф. (Владивосток, 16–17 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та. С. 162–189.
- Тацит К.*, 1886. Соч.: В 2 т. Т. 1: Агрикола. Германия. Истории. СПб.: Л.Ф. Пантелеев. 337 с.
- Bahn P.G.*, 1997. Archers in the Paleolithic times // *Archaeology*. May-June. New York.
- Carneiro R.L.*, 1970. A theory of the origin of the state // *Science*. Vol. 169. P. 733–738.
- Carneiro R.L.*, 1981. The chiefdom: precursor of state // *The Transition to Statehood in the New World* / G.D. Jones, R.R. Kautz (eds). Cambridge: Cambridge University Press. P. 37–79.
- Coblentz S.A.*, 1953. From Arrow to Atom Bomb: The Psychological History of War. New York: Beechhurst Press. 589 p.
- Hall S.S.*, 2011. Iceman unfrozen // *National Geographic Magazine*. № 220 (November). P. 119–132.
- Malinowski B.*, 1941. An anthropological analysis of war // *American Journal of Sociology*. Vol. 46. № 4. P. 521–550.
- Newcomb W.W.*, 1960. Toward an understanding of war // *Essays in the Science of Culture*. New York: Crowell. P. 317–335
- Wendorf F.*, 1968. Site 117: a Nubian final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan // *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press. P. 954–995.

С. В. Ошибкина

О ВООРУЖЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

*S. V. Oshibkina. On armed clashes of Mesolithic population
in the North of Eastern Europe*

Abstract. In the North of European Russia at the transition from the Pleistocene to the Holocene, distinct Western and Eastern regions are singled out exhibiting characteristic features determined by the natural environment and differences in the material culture. The Western region was settled by a Caucasoid population. At the end of the Mesolithic large cemeteries emerged (Olenij Ostrov at the Onega Lake). In the Eastern region in the Urals foothills burial-grounds have not been recorded so far. It is possible that armed clashes, albeit rare ones, took place in the course of migrations. Direct evidence of such clashes has been noted in traces of wounds suffered by the deceased in burials found in cemeteries of the East Onega region. Finds of good-quality items of weaponry in settlements and in burials of the Western region, particularly in the contact zone, can be regarded as direct evidence of such clashes. At the end of the Mesolithic, at the transition from the Borealis to the Atlantic period, several population groups moved westwards. At the same time in the late burials in the Olenij Ostrov cemetery individual representatives of Mongoloid and mixed anthropological types appeared, which indicates that contacts were taking place between groups of different origin.

Ключевые слова: европейский Север России, освоение, мезолит, адаптация, охотники-собиратели, природная среда, миграции, материальная культура, контакты, Приуралье.

Принято считать, что в эпоху мезолита (10–8 тыс. л. н.) население обитаемых регионов земли количественно не слишком увеличилось в сравнении с верхним палеолитом, когда всего на планете насчитывалось от 3 до 9 млн человек (*Шнирельман*, 1986. С. 432). При подсчете численности древнего населения исследователи обычно опираются на данные археологии и палеоантропологии, также по возможности привлекают этнографические сопоставления. Понятно, что результаты подсчетов гипотетичны. Тем не менее, не вызывает сомнения то, что в палеолите и мезолите плотность заселения большинства регионов земли была невелика, что предполагает отсутствие каких-либо контактов и, тем более, военных столкновений древних популяций. Однако примеры подобных событий в среде охотников-собирателей эпохи мезолита известны.

В начале голоцена в Восточной Европе происходили существенные изменения климата и общей природной обстановки в результате повсеместного отступления материковых ледников, продвижения на север лесов, определенных изменений в очертании морских и озерных побережий, также изменения направления и стока рек. В лесной зоне Восточной Европы в дриасе 3 и пребореале началось активное освоение человеком новых северных территорий, ставших пригодными для обитания,

ранее не заселенных и особенно богатых природными ресурсами. Миграционные процессы эпохи мезолита были медленными, могли иметь возвратное движение, что определялось освоением незнакомых видов флоры и фауны, распространенных на новых землях (*Oshibkina*, 2008). На севере Европы в некоторых экологических нишах уже в начале мезолита, на протяжении пребореала и в начале бореала, возникали этнокультурные образования, известные как археологические культуры. Некоторые из них существовали на протяжении всей эпохи мезолита, вплоть до начала атлантического периода. В течение длительного времени эти древние популяции охотников-собирателей поддерживали принятые в их среде традиции духовной и материальной культуры. При этом происходило естественное изменение образа жизни и развитие материальной культуры, ее трансформация, связанная с адаптацией к меняющейся природной среде и иным обстоятельствам жизни, что особенно отражалось на составе и качестве вооружения.

Заселение лесной и затем тундровой зон севера Восточной Европы, прежде занятых ледниками, происходило впервые, поэтому этот процесс особенно привлекал внимание исследователей. В 1950-е гг. среди исследователей сложилось мнение о притоке монголоидного населения из Зауралья или Сибири. Как показали исследования последних десятилетий, картина освоения северных территорий была сложнее, основные потоки населения могли идти в разные периоды мезолита и позднее неолита с разных территорий, что могло естественно приводить к столкновению отдельных популяций. Однако впервые в начале мезолита западные и южные территории региона были освоены европеоидным населением, продвинувшимся сюда с юга и юго-запада, что установлено на основании археологических памятников и антропологических материалов из Оленеостровского и других могильников. Не исключено, что в бассейне Печоры в это время еще могли сохраняться потомки палеолитических охотников на мамонтовую фауну, проникавшие сюда еще в верхнем палеолите. В среднем мезолите восточные районы осваивали охотники-собиратели, проникавшие на европейский Север из Приуралья. Постепенное движение или миграция мезолитических охотников-собирателей имела общее направление преимущественно на северо-запад (*Carpelan*, 1999).

В результате на севере Восточной Европы образовались два обширных региона, западный и восточный, от Сухонского палеоозера до Приуралья. Для этих двух природных областей характерны определенные различия в климате, более суровом и континентальном на востоке, в природном окружении человека и способах его охоты и в целом жизнеобеспечения. Согласно современным данным, мезолитическое население на востоке, в бассейнах больших рек, было более мобильным, основным занятием человека здесь стала охота. В западном регионе уже существовали не только одни временные промысловые стоянки, но также постоянные поселения в окружении сезонных и промысловых стоянок (*Oshibkina*, 1983. С. 167). Кроме охоты на лесных животных, здесь существенную роль играли рыболовство и собирательство. Разграничение названных регионов по данным археологии достаточно отчетливое. Отмечается также проникновение на запад охотников-собирателей из восточных регионов, особенно активное в конце мезолита. Вероятнее всего, на границе двух миров могли происходить не только мирные контакты, возникали и военные столкновения.

Проникновение на новые земли, даже медленные миграции в форме, предполагающей периодические возвратные переселения по типу *fission – fusion* (деление – объединение) (Сукерник, Кроуфорд, 1984. С. 92–95), могло приводить к контактам групп охотников-собирателей, а в определенных обстоятельствах – к вооруженным столкновениям. Подобные стороны жизни древнего населения могут быть реконструированы, с известной степенью достоверности, по могильникам и погребальным обрядам, по следам ранений обитателей, если они установлены, по степени вооруженности населения.

На Русской равнине и на севере Восточной Европы в настоящее время известны и исследованы несколько могильников или погребальных комплексов раннего мезолита с небольшим числом погребений. К ним относятся такие памятники, как Спигинас (*Spiginas*) в Литве (*Butrimas*, 1989), Милино 2 в Подмоскowie (*Сорокин*, 2011), Милино I и II около Кубенского оз. в Вологодской обл. (*Суворов, Бужилова*, 2004. С. 41), Песчаница и Попово у оз. Лача в Архангельской обл. (*Ошибкина*, 2007). Перечисленные памятники состоят из отдельных погребений, иногда из небольшого числа могил. Только в конце мезолита и на рубеже мезолита – неолита появляются огромные некрополи, такие как Оленеостровский из 177 захоронений на острове Онежского оз. (*Гурина*, 1956) или Звейниекы в Латвии, где насчитывается более 300 погребений, среди которых более всего захоронений эпохи неолита (*Zagorskis*, 1987; *Larsson*, 2013). Известны также три мезолитических Волошско-Васильевских могильника в Среднем Поднепровье, где в костях нескольких скелетов обнаружены наконечники стрел и копий (*Телегин*, 1985. С. 85). Возникновение на территории Восточной Европы больших некрополей указывает на то, что шел общий процесс консолидации мезолитического населения и формирования определенных этнокультурных общностей. На большинстве памятников мезолита обычно не фиксируются останки погребенных со следами повреждений, полученных в вооруженных стычках.

Представляют интерес открытые сравнительно недавно в Восточном Прионежье могильники, где в нескольких случаях обнаружены отчетливые повреждения скелетных останков костяным и кремневым оружием. На рубеже пребореала – бореала в Восточном Прионежье возникла культура веретье, население которой занимало окраину западного региона и существовало на рубеже между западной и восточной территориями, где обитали разные по образу жизни группы мезолитического населения. В ареале культуры веретье находится могильник в местности Попово, датированный серией ^{14}C дат первой половиной бореала, и могильный комплекс Песчаница с датой 9890 ± 120 (ГИН 4858), или 9500–9010 Cal (*Зайцева, Тимофеев и др.*, 1997. С. 122). Антропологические исследования показали, что представленное здесь население состояло из архаичных европеоидов, аналогичных по типу европеоидной группе Оленеостровского могильника (*Гохман*, 1984; *Беневоленская*, 1990). По составу инвентаря, найденного непосредственно в погребениях, могильник Попово относится к группе поселений и стоянок культуры веретье, расположенных поблизости, но на другом берегу реки. Иначе говоря, могильник расположен «за водой», примерно так же, как Оленеостровский некрополь.

Прямыми свидетельствами участия населения культуры веретье в вооруженных столкновениях являются повреждения, зафиксированные на скелетах

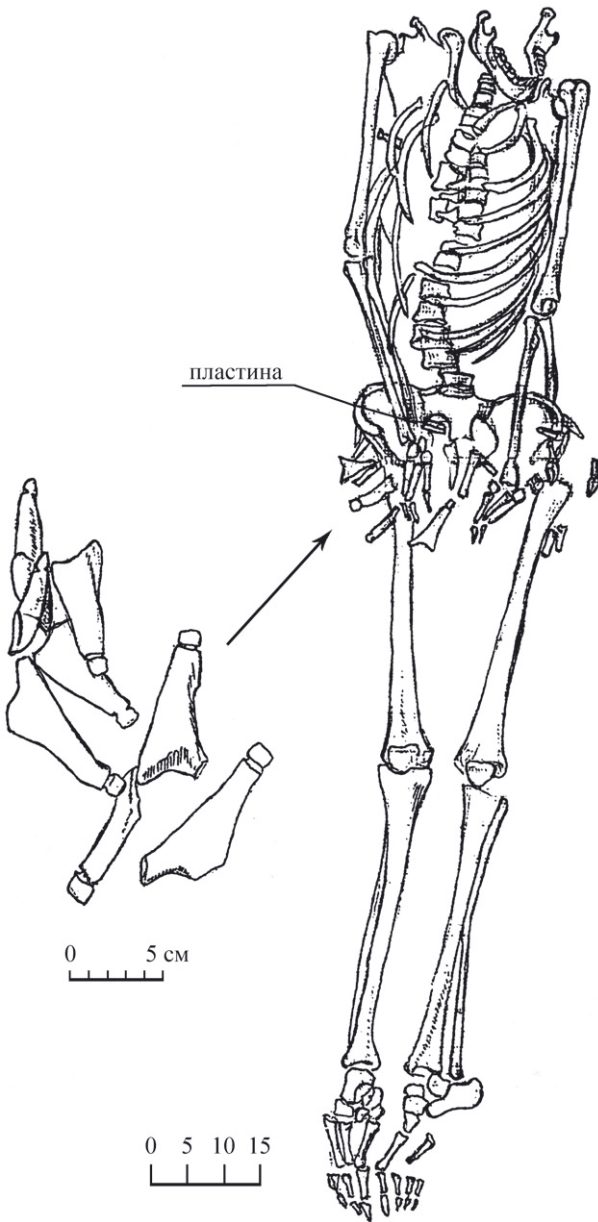

Рис. 1. Могильник Попово, погребение VIII

гребен с почестями. У его ног, в небольшой яме, обнаружены кости журавля, которого, наравне с лебедем, древние почитали как солнечную птицу. Над головой скелета, в песчаной засыпке могилы, лежала круглая костяная подвеска с зубчатым краем – вероятно, тоже солнечный символ. Погребальный ритуал,

в погребениях в Песчанице и Попово. В погребении IV могильника Попово (женщина 50–60 лет) в глубине грудного отдела и под ключицей погребенной остался острый обломок костяного кинжала. Такие кинжалы, сделанные из расщепленных длинных костей или распрямленных ребер лося, в большом количестве найдены на поселениях культуры веретье.

В погребении VIII (мужчина примерно 20 лет) в тазовом отделе скелета обнаружен короткий обломок кремневой пластины – часть лезвия составного оружия с костяной основой и пластинами-вставками. Вся тазовая часть скелета была обернута широким поясом с нашитыми подвесками из зубов и подъязычных костей лося, общим числом 77 экземпляров (рис. 1). Таким образом установлено, что для этого пояса использованы кости не менее чем 29–30 особей. Все погребение и кремневая пластина были покрыты густым слоем красной охры. Пояс с нашивками сохранился и под скелетом. Это позволяет утверждать, что попадание кремневой пластины не было случайным. Молодой охотник был ранен, скорее всего, в военном столкновении и по-

совершенный в сложной форме, показывает особое отношение соплеменников к погибшему (*Ошибкина*, 2006. С. 88).

В сложном могильном комплексе Песчаница были найдены остатки скелета и череп мужчины из разрушенной современным карьером могилы, а также отдельное захоронение длинных костей ног без ступней, со следами дефлешинга (намеренного отчленения мягких тканей) (*Суворов, Бужилова*, 2004. С. 51), связывания в пачку и засыпки охрой. Череп мужчины 40–42 лет отличался определенным архаизмом (*Мамонова*, 1995; *Герасимова, Пежемский*, 2005). На левой скуле погребенного индивида обнаружено повреждение костной ткани, нанесенное тупым орудием и не залечившееся при жизни (*Звягин, Куликов*, 2005). Подобное повреждение могло быть получено при вооруженном столкновении, что и привело человека со временем к гибели.

Кроме прямых свидетельств вероятных вооруженных столкновений мезолитического населения, существуют и косвенные показатели, а именно множество оружия на поселениях культуры веретье и совершенные формы этого вооружения – функционального, прекрасно обработанного, снабженного кремневыми лезвиями и украшенного орнаментом, нередко имеющего личные метки. Охотники-собиратели использовали луки, копья и дротики, стрелы целые и составного типа, найдены древки стрел с оперением и без него, кинжалы из кости и рога с кремневыми лезвиями или без них. При этом охотничье вооружение достаточно хорошо отличается от боевого оружия.

Деревянные луки простой формы, с круглым или овальным сечением, с вырезанными по концам кольцевыми канавками для привязывания тетивы, найдены на поселении Веретье 1 и стоянке Нижнее Веретье. От размеров и устройства лука зависело его назначение. В свое время в Нижнем Веретье были найдены фрагмент лука и почти целый лук длиной 65 см, при сечении 1,7 см в середине. По мнению М.Е. Фосс, оружие таких малых размеров предназначалось для охоты в условиях густых лесов и зарослей – по аналогии с луками коренных жителей африканских джунглей, например бушменов (*Фосс*, 1941. С. 35). При раскопках поселения Веретье 1 найдено 11 луков, один почти целый, длиной 102 см (рис. 2). Луки могли достигать и больших размеров, до 150–160 см. Они сделаны из сосны, ели, березы и ольхи. Прослежено устройство выемки для руки, выстроганной кремневым лезвием, и оформление концов лука канавкой для привязывания тетивы (*Ошибкина*, 1997. С. 105). Таким лукам соответствовали размеры стрел (длиной до 65 см). Установлено также, что рост охотников, которые могли использовать подобное оружие, составлял не менее 174–175 см, возможно больше (*Герасимова, Пежемский*, 2005. С. 25). Как следует из палинологических исследований, озерный край, где обитали охотники-собиратели культуры веретье, представлял собою бореальный пейзаж, состоявший из смешанных сосновых и березовых лесов с луговыми и свободными от сплошной растительности участками, иными словами, отличался от густых джунглей. Однако маленькие луки представляют интерес, поскольку, скорее всего, они принадлежали детям или подросткам, являясь обучающими видами оружия. К этой категории деревянных изделий принадлежат маленькие топоры с роговыми лезвиями (длиной до 14 см) и множество маленьких древков и наконечников стрел простой игловидной и биконической формы.

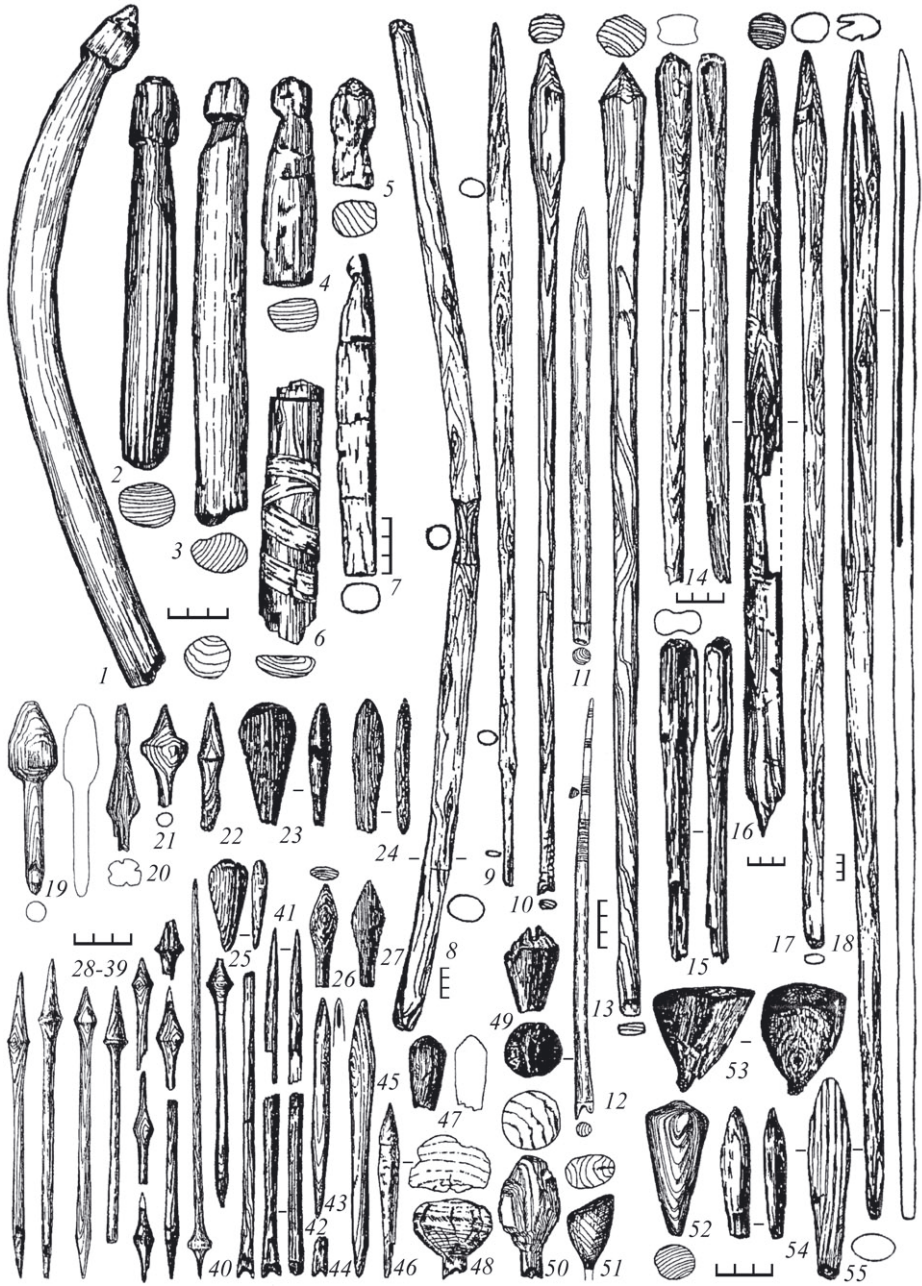

Рис. 2. Поселение Веретье 1. Деревянные изделия
(таблица составлена О.В. Лозовской)

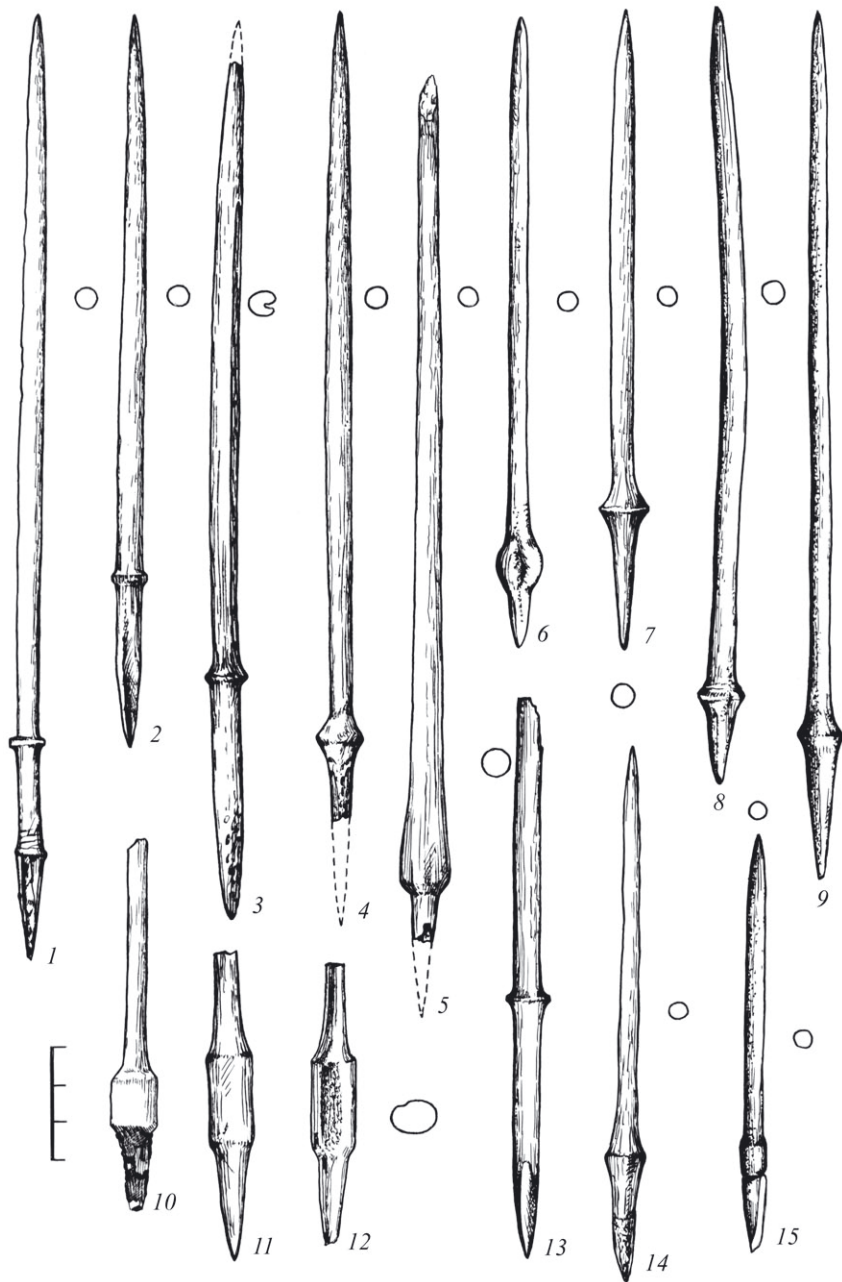

Рис. 3. Наконечники стрел с поселения Веретье 1. Кость

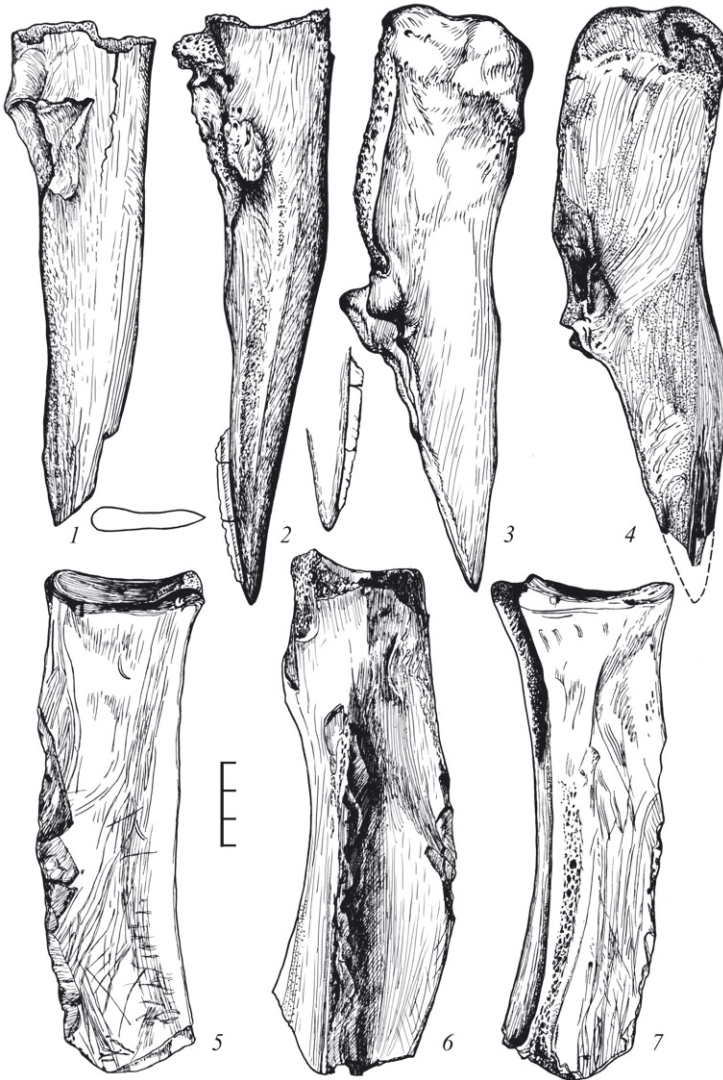

Рис. 4. Веретье 1. Кинжалы из локтевой кости лося

Костяные наконечники стрел в Веретье 1 представлены серией из 198 экземпляров, не считая обломков. Выделено 14 типов наконечников, среди них примерно 30% выполнены особенно тщательно, имеют большие размеры (длина более 30 см), отличаются длинным острием и предназначались для оснащения боевого оружия, иными словами, для военных столкновений (рис. 3). Дополнительным аргументом в пользу такого вывода является тот факт, что многочисленные деревянные наконечники представлены только формами, предназначенными для охоты.

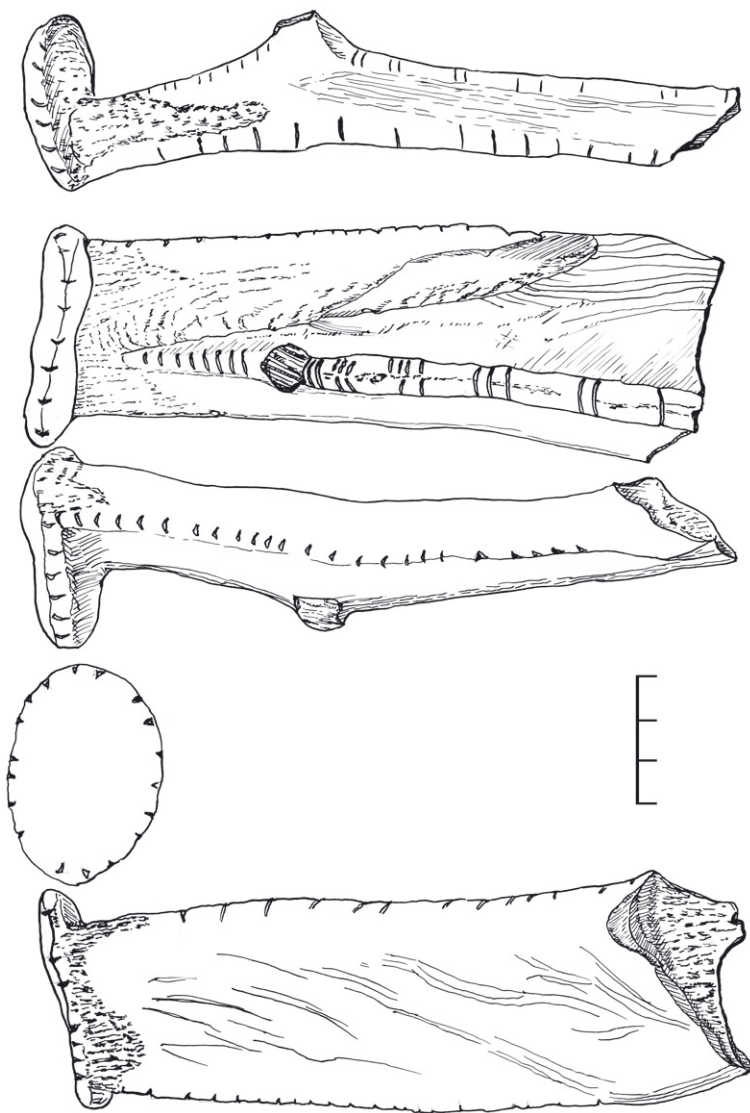

Рис. 5. Веретъе 1. Кинжал с орнаментом

Копья и дротики из дерева могли иметь разное назначение. Обращает на себя внимание такой факт, как оснащение деревянных копий полоской кремневых лезвий на боевом конце, что предполагает применение на охоте, как и в других целях.

Представлены костяные и роговые кинжалы разных типов с сохранившимися в односторонних или двусторонних пазах лезвиями из кремневых пластин, многие украшены орнаментом или имеют личные метки. Представляют интерес изделия из локтевой кости лося, сохраняющие природную форму, с ко-

Рис. 6. Веретье 1. Кинжалы из выпрямленных ребер лося

ротким боевым концом, хорошо полированные, часто с орнаментом (рис. 4; 5). Длинные кинжалы, изготовленные из выпрямленных ребер лося, отшлифованы, и даже полированы, обычно только на острие, в остальном сохраняя естественную поверхность кости, что позволяло держать оружие в руке более уверенно (рис. 6). Некоторые кинжалы имели обмотку рукояти из берестяной полоски, возможно также, из кожаной ленты. Подобные орудия, правда, менее тщательно обработанные, найдены на других стоянках культуры веретье. Так же делали кинжалы из кремня. Представляет интерес короткий кинжал из целой кремневой пластины, обработанный ретушью по краям и у острия, рукоять которого на 2/3 длины была обмотана берестяной лентой (*Ошибкина*, 1983. Рис. 19). Вероятно, подобные орудия также могли служить боевым оружием. Показательно, что в детском погребении VII могильника Попово найден небольшой кинжал из выпрямленного ребра животного с характерной берестяной обмоткой рукояти на 2/3 длины. Он лежал около правой кисти ребенка 7–9 лет.

Изделия из камня, кости и дерева, широко представленные на поселениях, стоянках и в погребениях культуры веретье, не имеют аналогий в инвентаре стоянок мезолита соседних восточных территорий. Аналогии известны на памятниках мезолита Восточной Прибалтики и далее – на стоянках вблизи северных побережий Германии и Дании. Население культуры веретье, по определению антропологов, было европеоидным. На рубеже пребореала и бореала оно перемещалось вдоль побережий бореального Анцилового озера и на востоке могло вступать в контакты или вооруженные столкновения с охотниками-собирающими восточного региона. В результате в завершающем периоде мезолита в известном Оленеостровском некрополе оказались представлены не только европеоиды, абсолютно аналогичные населению культуры веретье, но также особый антропологический тип, который рассматривают как результат восточного влияния и называют монголоидным или лапоноидным.

ЛИТЕРАТУРА

- Беневоленская Ю.Д.*, 1990. Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения северо-восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы: Сб. ст. / Отв. ред. и авт. предисл. Р.Я. Денисова. Рига.: Зинатне. С. 230–262.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В.*, 2005. Мезолитический человек из Песчаницы: Комплексный антропологический анализ. М.: Оргсервис-2000. 125 с.
- Гохман И.И.*, 1984. Новые палеоантропологические находки эпохи мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии: Сб. ст. Л.: Наука. С. 6–27.
- Гурина Н.Н.*, 1956. Оленеостровский могильник. М.: Наука. 431 с. (МИА. № 47).
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Загорска И., Ковалюх Н.Н.*, 1997. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Восточной Европы // Радиоуглерод и археология: Ежегодник радиоуглеродной лаборатории / Ред. Г.И. Зайцева. Вып. 2. СПб.: Теза. С. 117–127.
- Звягин В.Н., Куликов А.Ю.*, 2005. Рентгенологическое и химическое исследование костных останков, обнаруженных в местности Песчаница // *Герасимова М.М., Пежемский Д.В.* Мезолитический человек из Песчаницы: Комплексный антропологический анализ. М.: Оргсервис-2000. С. 123–125.
- Мамонова Н.Н.*, 1995. Палеоантропологические материалы мезолита северных регионов России (предварительное сообщение) // Вопросы антропологии. Вып. 88. С. 117–125.

- Ошибкина С.В.*, 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 295 с.
- Ошибкина С.В.*, 1997. Веретье 1: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 205 с.
- Ошибкина С.В.*, 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: ИА РАН. 223 с.
- Ошибкина С.В.*, 2007. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // РА. № 1. С. 36–48.
- Сорокин А.Н.*, 2011. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмоскowie. М.: ИА РАН. 264 с.
- Суворов А.В., Бужилова А.П.*, 2004. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. ст. Вып. 3. С. 41–54.
- Сукерник Р.И., Кроуфорд М.*, 1984. Популяционная генетика и первоначальное заселение Америки // Природа. № 4. С. 90–95.
- Телегин Д.Я.*, 1985. Палеолит и мезолит // Археология Украинской ССР / Ред. И.И. Артеменко и др. Т. 1: Первобытная археология / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 83–109.
- Фосс М.Е.*, 1941. Стоянка Веретье // Работы археологических экспедиций: Сб. ст. Т. 1 / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Гос. ист. музей. С. 21–70. (Тр. ГИМ. Вып. XII.)
- Шнирельман В.А.*, 1986. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. С. 427–490.
- Butrimas A.*, 1989. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania // Mesolithic Miscellany. Wisconsin: University of Wisconsin Press. Vol. 10. № 2. P. 10, 11.
- Carpelan C.*, 1999. On the Postglacial Colonisation of the Eastern Fennoscandia // Dig it All: Papers Dedicated to Ari Siiriäinen. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society and The Archaeological Society of Finland. P. 151–171.
- Larsson L.*, 2013. A double grave with amber and bone adornments at Zvejnieki in Northern Latvia // Archaeologia Baltica. Riga: Zinatne. P. 80–89.
- Oshibkina S.V.*, 2008. Hunting strategy of the population on the North of Eastern Europe during the early Holocene // Man – Millennia – Environment: Studies in Honour of R. Schild. Warsaw: Letter Quality. P. 113–121.
- Zagorskis F.*, 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinatne. 133 lpp.

Л. С. Ильюков

КТО ОСАЖДАЛ ЛИВЕНЦОВСКО-КАРАТАЕВСКУЮ КРЕПОСТЬ В НИЗОВЬЯХ ДОНА?

L. S. Ilyukov. Who laid siege to the Liventsovka-Karataevo fortress
in the lower reaches of the Don?

Abstract. Approximately 700 arrowheads made of flint and 10 made of obsidian were found in the ruins of the Liventsovka-Karataevo fortress. Most of them were tanged, their base rectangular or rounded in section. Many of the arrows were damaged from having struck against the stone walls surrounding the fortress. A bronze spear-head or arrowhead of a Sintashta type with a rectangular tang was found in the vicinity of the Liventsovka-

Karataevo fortress. While triangular bases were typical for Seima-Pokrovka arrows, Sintashta ones were rectangular or roughly rectangular in section. The presence of obsidian arrowheads in the assemblage probably indicates that there were warriors of Caucasian origin among the attackers.

Ключевые слова: Ливенцовско-Каратаевская крепость, кремль, обсидиан, накопник стрелы.

В низовьях Дона, на краю высокой террасы, верхняя часть которой состоит из отложений известняка понтического яруса, между поселками Ливенцовка и Каратаево, расположена крепость. В плане она представляла собой два полукружья, разделенных глубоким оврагом на две почти равные половины. Одна часть ее, расположенная ближе к Ливенцовке (*Братченко, 2006*), получила название Ливенцовская крепость, вторая, расположенная ближе к Каратаево, – Каратаевская (*Ильюков, 2002а*). Однако они настолько близки между собой не только по конструкции, но и по материальной культуре, что их можно уверенно рассматривать как синхронные археологические памятники¹.

Крепость с напольной стороны была обнесена меандровидной каменной стеной с многочисленными перемычками-проходами внутрь. Во время сооружения рва в большом количестве был добыт известняк (ракушечник). Рваные куски известняка использовались не только для строительства фортификационных сооружений, но и для возведения жилых построек по периметру крепости с внутренней стороны оборонительной стены. Постройки внутри крепости были наземными, их возводили не только из камня, но также из дерева и тростника. По мнению С.Н. Братченко, внутри крепости свободное пространство использовалось как загон для укрытия домашнего скота. Тонкий культурный слой, зафиксированный под руинами пристенных построек, свидетельствует о том, что крепость просуществовала краткое время. Впоследствии ее руины неоднократно посещались, о чем свидетельствуют различные находки. В раннем железном веке на ее территории появился небольшой могильник (*Ильюков, 2002б*).

Последний период жизни крепости связан с тем, что она была окружена, и начался ее массированный обстрел стрелами. Нередко стрела попадала в каменное сооружение. Ударяясь о камень, конец стрелы ломался, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные наконечники, найденные на Ливенцовском и Каратаевском участках крепости. В результате жизнь там прекратилась. Спустя какое-то время в ее рву, еще не запывшем землей, стали хоронить умерших (*Братченко, 2006. С. 72–80*). По мнению С.Н. Братченко, погребения, располо-

¹ С.Н. Братченко, первоначально называвший эту крепость «Ливенцовской» (*Братченко, 1976. С. 119*), впоследствии стал именовать ее «Левинцовской», объясняя это тем, что этот поселок ранее являлся хутором и назывался Левинцовка (*Братченко, 2006. С. 33*). Однако на карте последней четверти XVIII в. «Нижнее течение реки Дон» этот хутор назывался Ливенцовка. Он принадлежал Андрею Николаевичу Ливенцеву (пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность И.В. Толочко за консультацию по этому вопросу).

женные на глубине 0,16–0,35 м от дна рва, были устроены во рвах тогда, когда они еще не полностью были заполнены камнями и землей.

Во рву среди прочих открыто погребение 6, в котором скелет взрослого человека, сильно скорченного на левом боку, лежал головой на юг. В области тазовых костей обнаружен костяной медальон с узкой боковой планкой, на конце которой расположено поперечное отверстие (*Братченко*, 2006. С. 79. Рис. 24, 1, 2). Этот медальон относится к бабинскому времени и находит аналогии на Северо-Восточном Кавказе (Там же. С. 92, 93; *Гаджиев*, 1969). По-видимому, в это время крепость была уже заброшена.

Лучше исследована оборонительная стена Ливенцовской крепости, тогда как на территории Каратаевской крепости обследованы лишь небольшая часть оборонительной стены, а также участок в центральной части крепости.

Всего найдено более 700 наконечников стрел, выполненных из кремня и обсидиана. Часть их сильно фрагментирована и не может быть классифицирована. Обсидиановые изделия обнаружены только в Ливенцовской крепости (10 экз.).

Наконечники концентрировались около оборонительных стен (*Братченко*, 2006. С. 128. Рис. 62). Только 26% наконечников оказались целыми, остальные от удара о камень получили повреждение. Многие наконечники торчали в стенах и воротах, закрывавших проходы. Мало наконечников в центральной части крепости.

По способу крепления к древку наконечники делятся на выемчатые, черешковые и с овальным основанием.

Выемчатых наконечников найдено 11 экз. (рис. 1, А). Кроме одного, все они обнаружены внутри крепости, около оборонительной стены. В данной выборке один наконечник имеет широкое основание и неглубокую выемку (рис. 1, 8) (Там же. С. 131. Рис. 63, 18). Длина наконечников 21–33 мм, ширина – 10–15 мм. Эта группа предметов находит аналогии среди наконечников бабинского типа.

Черешковые наконечники, в отличие от выемчатых, более массивные (рис. 1, Б). Преобладают наконечники длиной 40–55 мм. Черешки имели полуокруглую или прямоугольную форму, тогда как черешки треугольных очертаний отсутствовали. Черешковые наконечники по форме пера сгруппированы в два варианта: башневидно-листовидные и треугольные. *Башневидно-листовидных наконечников* – более 350 экз. (рис. 1, 9–13). Два из них имеют перо пятиугольных очертаний, повторяя очертания миниатюрного бронзового клинка с расширением на конце (рис. 1, 14, 15). *Наконечников с листовидным пером* – более 130 экз. (рис. 1, 16–21). Нередко перо имеет вытянутые или приземистые очертания. По мнению Р.А. Литвиненко, черешковые наконечники стрел не встречаются в памятниках бабинской культуры. Они обнаружены в трех погребениях этого типа, но там они не являлись инвентарем (*Литвиненко*, 2006. С. 178).

Листовидные наконечники с овальным основанием (не менее 15 экз.; рис. 1, В) (*Братченко*, 2006. С. 137. Рис. 63, 18). Перо узкое, его длина 30–50 мм, ширина 10–15 мм.

Для изготовления наконечников стрел обычно использовался кремень, в редких случаях обсидиан (10 экз.). Среди обсидиановых имеются экземпляры